

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗА ДОБРО

ПИСЬМА ДЯТЛОВА. ИВАН АЛЕКСЕИЧА,
ЖЕНЕ ЕГО АННЕ ДЯТЛОВОЙ И АЛЕШЕ

САША НИКОЛАЕННО
Родилась в Москве в 1976 году. Прозаик, художник, иллюстратор. Лауреат литературной премии «Русский Буннер» за лучший роман на русском языке. «Убить Бобрынина. История одного убийства». Финалист литературной премии «Ясная Поляна» за роман «Небесный

почтальон Федя Булкин». Прозаические публикации в журналах «Урал», «Новый мир», «Знамя», «Сибирские огни». Лауреат премии журнала «Этани» в прозаической номинации «Сестра моя — жизнь» в честь 130-летия Бориса Пастернака за подборку рассказов «Ответный удар».

Здравствуй, Анюшка, сын Алеша. Что у вас, какие новости, как дела? А у нас здесь и утро за новостью по отсутствию новостей. Все в порядке, жив потихонечку, давление, правда, прыгает, но ведь человек и жив, «пока прыгает», как Андрей Николаевич говорил. Дождь в окно до обеда смотрел, увлекательней телевизора! До чего живительна для земли эта так котам с пешеходами неприятная богодатель. Прилетели грачи, и я думаю, что не будет когда у них законного зрителя, точно так же станут весной они прилетать, распахивать, букашек выклевать, поживать. Только жалко букашек, они, хотя и вредители, тоже мир воскресающий повидать лезут, глупые, из земли. Но ведь их-то гораздо более, чем грачей природой разумною, сотворяющей, предусмотрено, ради жизни стада грачиного, ради жизни. Все-то ей предусмотрено... Удивительно устроена жизнь.

За одним грачом там, внизу, кошка долго охотилась, хоть и кормят при кухне больничной их хорошо, но она это, видимо, из инстинкта. Охотница! Кошка, даже если пушистая, сытая, ленивая и домашняя, все равно внутри у ней зверь. Вот ползла она по-пластунски, даже хвост прижала к земле, а потом подкралась и прыгнула, он — взлетел! И я всей душой ликовал за грача за этого, что вот так ускользнул, но и всей душой было жалко кошки, бог лишь знает, Анюшка, по-

чему. Кошка цвета рыжего, у меня похожая была в детстве. Звали Пуськой. И сегодня опять сказала Сирафимидова, «скоро выпишем вас». Молода она, эта женщина, исцелением смертного человечества вдохновленная, у меня же это «скоро» ее отнимает многие дни. Потому решил не терять.

По внимательном прочтении главы первой Библии, о миротворении, совершил открытие, а вернее, открытий множество. Кроме этого, нашел в главе одно обстоятельство, даже можно сказать доказательство прежде вам с Алешкой в письмах изложенной собственной правоты, но об этом потом. Сперва факты.

Вот такая версия сотворения здесь предложена иудеям по имени Моисей (и не Богом, Аня, прошу заметить тебя) — человеком, существовавшим в реальности, называвшим себя «пророк». Почему «пророк» — непонятно, ведь пророк пророчить хитер, ну а здесь описано только прошлое, не пророчество это, скорее предположение, как все было создано, а впоследствии будет история, видимо, расселения по миру созданному племен. Я назвал бы не пророком, но летописцем, историком, очевидцем его... хотя тоже нет, вряд ли сей иудей, хоть и древний, присутствовал при творении Господом тверди земной, всякой жизни на ней, и в частности человеческой. Человек же существо, согласись, хоть и Богом создано,

а однако несовершенное и вторичное, ибо слеплено по образу и подобию (это тоже решив само), да к тому же вольное в пересказе: не удержится добавить себя, где не знает пофантазировать, где не помнит или же выгоду видит какую-то, то приврать. По себе сузу, не сердись. Знаю, милая, для тебя вот это мое размышление, покушение на святыню, на «Слово Божие», «Откровение», для меня же (прости, пожалуйста) – с человеком, назвавшим себя «пророком», а не «писателем», вневременной спор. Спор же этот возможным сделал сам Моисей, ибо что бессмертно написано, вместе с автором не умрет.

Вот что было в начале, как здесь Моисеем сказано: «Сотворил Бог небо и землю».

Ладно! Но что было до того? Если ты при самом Создателе состоял во стенографах, отчего до начала-то упустил? А ведь это самое важное, это вроде бы как художник перед холстом, пустота пустотою останется, пока кисть в палитру не окунет. Было что-нибудь до начала? Чтобы ничего совсем не было, не выходит, потому что, если в начале Бог сотворил, значит, до того стоял пред началом, – был! И нам сразу же сказано, и во всех поступках показано (чтоб в дальнейшем не занимались богоизобретательством), что Господь всего сущего – Дух творения. Значит, Аня, пропущено в книге вашей самое главное: существование изначальное Бога животворящего и Его превосходство над смертью всякою бесконечное.

Значит, тот, что прежде «природой разумно сотворяющей», был мной назван (в смысле поголовья грачей, букашек и прочего) Дух создания, сознательно созидающий, а вокруг – ничего, никого, тьма безвидная, пустыня бесплодная, то есть – смерть. Смерть была, и над ней витал этот Дух, жизни Дух, и тот Дух сотворил свет из тьмы, жизнь из смерти?

4 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

5 И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил свет от тьмы.

6 И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер и было утро: день один.

Говорила, Аня, ты, не душа, но дух, отличает нас от прочих зверенышей, и все думал, понять не мог, что за дух? А ведь вот он, Анюшка, вот он! Вот собаки, скажем, кошки, рыбы и муравьи, равно мы выживают в предложенных обстоятельствах, то хитрят, то ласкаются, любят искренне, лают преданно, ну вот только что, только это-то не делают... не творят! Из кусочка глины, спички воткнут, не делают ежей и не поджигают

тех ежей, так как мы. Вот крадется кошка, природой хитро обучена за птицей летучею, тихо-тихо, знает, что вспугнет – не поймать, вот мурлыкает, вот на солнышке греется, вот в углу что-то лапочкой ковыряет, кормит, учит, защищает котят, это все разумно, но не осмысленно у нее, «не осмысленно» же не значит «бессмысленно», смысл есть, просто разница меж словами этими велика! Потому что без осмысления действия кошке нет продолжения, кроме кошки. И бессмысленным всякой кошке покажется делать ежика своего, а тем более поджигать его, понимаешь?! Потому что действие это, в смысле пользы какой-нибудь, в самом деле бессмысленно, но... Представить себе человека, без этого абсолютно осмысленного, но лишеного пользы действия невозможно. Он и знает, что пользы нет, а не человек уже без него. Это так и есть, без сомнения... Дух познания и творения, созиданья бессмертный Дух.

Что же дальше из этого? Был бесплотен, безвиден и всемогущ, сей апофеоз одиночества в пустоте, и создал себе плотей видимых и невидимых тысячи, мириады, твердь земную, морскую, небесную, и всякую жизнь, и вдохнул во каждую Свою душу, ибо душа бессмертная оживляет ненадолго каждую плоть, а потом в другом создании воплощается, вроде как склевал букашину грач, превратилась букашина во грача. Только духом творения этого не делился ни с кем, и никто из тварей летучих, ползучих, крылатых и водяных, не мог оценить, понять, угадать за твореньем Творителя. Не могла лягушка, лишённая искры творческой, обуянная жаждой сохранения жизни собственной и ее в головастиках продолжения, догадаться о существовании вселенные сотворившего, космосы звездные, но могла лишь бояться часа смертного своего. И среди тысяч тварей своих остался невидимым, незамеченным, не угаданным... точно не был. И тогда, возможно, захотелось создать Ему существо, хотя и разумное – неразумное, одинокое до отчаянья, до того отчаянья, Анюшка, что без Бога-то не смогло б?! На себя похужее не душой, жизнь дарующей смертную, и не плотью преобразующей – Духом? Тем, что не выживания ради творит...

Если так, дом для Духа бессмертного, всемогущего, смерть презревшего, – человек.

Дух Творца, от духа Создателя мира сущего, вот что, Анюшка, получается, что выходит... А выходит с тем, был миссией, сыном Его, весь род че-

ловеческий, из небытия безвидного, бездны космической к жизни призванный, Богом созданный, Богоизбранный, Богозванный... Плоть от Плоти, душа – Души, семя Бога Животворящего.

Если б это вот с детства каждому в школе ребеночку объяснить... Но в масштабах Его творения, где во первый день сотворил Он землю и небо, человечество, ныне лютое, плоть звериная, лишь младенец этого Духа... Мы – младенцы Божие, Аня, правда, с бомбой атомною в руках, это, думаю, рановато, я бы отнял, ведь пока Алешка был маленьким, мы на верхние полки прятали спички... Мы младенцы, дети мы малые, вот зачем поджигаем ежиков, вот зачем уголек отгоревший, тепла не дающий, бессмысленный, в руку взяли! – чтобы божье творение, мамонта, на скале им созданной повторить... и стереть, если вдруг рисунок покажется нехорош. Мы младенцы, любопытные и отважные, полетевшие на Луну познавать Им нам твердями в бесконечной тьме невселенной созданный, удивительный мир...

Помнишь, говорила ты, что хочешь понять, как из «ничего» стало все? Ничего-то этого не было, просто не было никогда. Вот представь ребенка слепорожденного, глухорожденного, да без ног без рук пусть рожден на свет, Дух его и во тьме над бездной свет сотворит, свет невиданный, Лик невидимый, самого Бога-Господа, если даже нет Его, сотворит.

И сказал: «Сотворим человека по образу Нашему и подобию; да владевает над рыбами, птицами, над скотом, и над всею землей, и над всеми гадами, пресмыкающимися по ней...» Это создал, значит, не ползать, не пресмыкаться! Думать, мыслить, творить, видеть в каждом творении руку творящего, во разумности таракашечки, большой разум... Что же более в доказательство моей правоты?

«Дал вам всякую траву, семя сеющую, какая есть на земле. И всякое дерево, у которого плод древесный сеющий семя: вам еще будет в пищу...», и увидел, что все созданное Им, хорошо... до того хорошо, что бессмертно!

Дух творения – Божий Дух человеческий, и не может быть, Аня, творения без познания, это правда, милая, это истина! И вот тут бы более о Нем, о Создателе, – ничего! Никаких больше пасквилей от лукавеньких, потому что каждое дальнейшее действие в этой книжище уже сами. Но «был вечер и было утро, и день шестой», и с того-то шестого дня эту книгу книг бесконечную, не чернилами, кровью ближнего... наша воля...

Если же мы все, все без исключения по образу Его и подобию сотворенные, духом творческим наделенные, этот Дух, этот Дар, возьмем за основу строительства, как же это изменит, возвысит, подымет из мрака и мерзости, очистит от плесени, в нашем здании каждый кирпич... как же наконец изменит к лучшему, а?

Что же мы, богозванные, богозданные, только рушим? Оккупантами, самозванцами, делим твердь, в какую уйдем... Ведь уйдем, никуда не денемся от того! Вместо пашни да сеянья в муку мелем, запираем в подполы богоданные семена? Унижаем страхом за послушание, наказанием, до затрещины, до ремня, до пощечины, ибо «совесть» нами заучена от родителей, что в непослушании ее нет... А ведь, может, она-то именно там? Топчем, с грязью мешаем, с собственной глупостью, к небу, солнышку, знаниям, к самому Создателю, любопытством восходящие колоски... Аня... может, и спички зря от Алешки прятали... Может, нужно было просто сводить его на пожар?

Но читаю, и ты, Алешка, читай, интересная книга! Только больно хитра за правду ложь выдавать. Ну да ложь, от какого помысла ни пойдет, сколько флагов ни развернет, все равно останется ложью. Ничего, отдели. Во младенство лучше впаду от спасительной старческой мудрости, ибо против лжи, беззакония восстают только духом сильные, умалишенные и невинные. Но без них Христос не воскрес.

Аня! Слышишь меня? Если с яселек, с саночек, не угрозу, не наказание принять во учителя, но терпение (бесконечное должно быть терпение у учителей божьего человечества) – ожидание, что во тьме незнания дикий мальчик, едва ходить научившийся, обезьянка в человеческом чепчике, до воскресшего Гегеля, Микеланджело, дорастет – оправдается, обязательно оправдается, вот увидишь! Потому что это доверие, потому что не просто «тварь» – «божья тварь», не от твари пишется, от творения, от Творца! Если божия, то никто не имеет права руку поднимать, понимаешь ты или нет?! Если ж окриком да затрещиной действовать, только страх и ненависть вырастишь, потому что всякий от страха плох, кто скулит, кто донос строчит, кто кусается, кто хитрит, а кто тих растет, обиду таит, ждет, чтоб в силу войти, загрызть. Потому что, если «Бог наказал», когда бездельник отец ремень достал «отличника воспитать», если мать за чашку разбитую уши рвет, то зачем вообще такой Бог?

Во любви растить человечество, только что и сказать ему: без тебя, сынок, – никуда. Никуда, без каждого нужного папе, маме, учителю славного смышленного любопытного девочки, мальчика, смысла в будущем нет, завтра нет!.. Что никем его не заменишь. Он научится, Аня!.. Это сколько же нужно всего изменить, и как просто все изменить... даже дух захватило...

За окном весна такая творится, а запаха не почувствовать, не вдохнуть сквозь око стекленное, и тарашимся сверху, как господни архангелы, и по памяти черемухой с вешним дождиком дышим. Красота такая здесь у них, удивляюсь... Хорошие деньги вложены, не растащены. Дорожки плиткой мощенные, чистота, скамеечки с чугунными лебедьками. Это потому в подробностях видно мне, что бинокль у соседа по лежбищу одолжу и приближу диоптрией каждую загогулину, физимордию проходящую, а на физимордии – на строение, думы-замыслы способна эта диоптрия уловить. Так что даром сказано «сверху видно» – не приблизишься, не прозришь, а куда уж ближе себя? А я в детстве думал-гадал, как все видит бабушкин Бог? Спрячусь от него под кровать и лежу, обдираю обои, паркет царапаю, ковыряю в носу... А теперь выходит, что видел-то Он меня из меня, стыдно, совестно теперь, Аня... Ведь же образ я Его и подобие. И вот этот-то стыд, пред самим собой, объяснила бы мне тогда бабушка, я бы, может, и Бога понял. Ведь как просто это мое доказательство! Уследит ли Господь из Вани за Ванею? Уследит! Да еще и вот он, в зеркале, божий внук, стоит да язык показывает, кривляется... Стал бы так кривляться он перед зеркалом, если б знал, откуда видят его? Может, стал бы, а может, нет. Развернуть бы вот так-то к зеркалу, с детства самого, каждого человечика и сказать ему: «Вот Он, Ваня!»! Это Он – Вермеер, да Винчи, Гауди, Корбюзье, Платон, Декарт и Сократ, это Он Бетховен, Шуберт и Бах, Ньютон и Эйнштейн, это Он Менделеев, Он – Галилей! Ну теперь-то, мальчик, веруешь ты в Него, или зришь?»

Но и знай при том, что и в бабушке-дедушке, в маме с папою, в нищем с паперти и разбойнике, в неприятеле и приятеле тоже Он, Бог на Бога глядит... Так и врезал бы, кажется, ближнему, до того дурак непонятливый, во кольчуге правды своей, да ведь выйдет, что ударил себя. Почему «себя»? Так ведь Дух творенья всему родителем, Он во всех... И вот это, Аня, что не ударишь ты ближнего, а ударишь, совесть замучает, вот хотя бы поэтому Бог-то есть. Милосердный и справед-

ливый. Вот к чему лицом бы все человечество вернуть! Ведь откуда взялась идея этого милосердия, желание справедливости в человечестве, если мир на пожирании сильным слабого, ближнего ближнего от создання стоит? Кошке в чем справедливость и милосердие? В том, чтоб больше ей достался мяса кусок, а коту, что мякает рядышком, – оплеух. Человек же, Анюшка, возле мяса этого тоже кошкой ведет себя оттого, что одной половиной зверь, но другой половиною – нет. И вот той половиной он от мяса отступится ради ближнего. И на ту половину он – Человек.

Почему у нас под защитой «неисповедимого» ходит зло? В чем злодей неисповедим? Что за высшие замыслы у воруи? Своровал безнаказанно – «слава Богу»?! Почему у нас в добродетелях хитрецы и предатели? Почему они богоизбранны? Потому что выше лесенкой спинами взобрались? Что ж их, Бог на подлость благословил?! Неужели богоизбранно зло? Почему это нравственно, царственно, агнцев на заклание? Толковать решимость подлую принести не себя, но невинного на алтарь? Почему ты учишь меня, толкуешь, что правильно «убивать Бога ради»?! Почему не самому умирать? Почему это высшая мера любви к Сотворившему и доверия, убить сына?! А по мне, так эта мера – любовь к себе самому! Почему у нас преступление как добро истолковано? Почему мерзавцу в потоп за спасательный круг всю очередь на спасение перебившему, оправдание «БОГОИЗБРАННОСТЬ»? Почему?! Почему богоизбранным называет себя изничтоживший ближнего за кусок? Потому что так сказал Моисей? Так ведь он сказал так и сяк. У него и «почил Господь» дел своих, и, почив, на землю сошел, чтобы на Иакова указать человечеству как на лучшего, на избранника своего. Вот поэтому, Аня, все! Ты сойди, объясни, не Иакову, но уж раз сошел, в его лице всему человечеству, что нельзя... А вы?! Я читал тут одно толкование, мол, Иакова мать подговорила, заставила обмануть слепого отца. Мол, что он послушался матери, значит, прав... Как он прав?! Да не слушайся такой матери, да и все! Меж обманом подлым родителя и матери послушанием выбери, где ты сам! Потому что, пока ты киваешь на дело черное, на отца предательство, сына заклание; то молчишь, то мычишь, то твердишь ему толкования в оправдание, «неисповедимым» называешь его, хороводы водишь, рельсы кругом сгибаешь, под Иакова лестницей, за тобой не Господь всевидящий, с «выи своей спускается», из земли поднимается, и зовут его «богоизбранный – Я».

Да, скажи! Скажи ты мне, в своей Библии, во учебнике праведных – «так нельзя!» «Брат на брата» – нельзя, скажи! «Брат за брата» – тоже нельзя, потому что все вы дети Творца единого, и любимы Им одинаково. Сына за Него нельзя отдавать, за Него, скажи, нельзя предавать, за Него нельзя убивать! Если мать тебе велела отца обмануть, так скажи этой женщине, что отца тебе обмануть – все равно что ее саму, все равно что себя, ведь вы-то одно, ты их плоть единая во любви. Если мать велела брата за наследство предать, скажи – не пойду, ибо братья с ним мы единокровные, кровь единая наше наследие, вот как в детстве читал я в «Маугли»: «Мы с тобой одной крови...» Так скажи, а иначе я сам прочту, и пойму, да с тебя спрошу, а ответить тебе будет нечего, никаким ты зла толкованием не заменишь добра. А что будет тогда, как пойму-то я это вот? Отвернусь...

А что я дурак, да нельзя же так, да и кто такой, чтобы сам от черного белое отличать, знаю, милая, от тебя, знаю, вы зубрил, стопочкой запивал. Только вот если сын, а не раб я Создателя всемогущему, то со мной так нельзя! Нельзя! И тебе не позволено, извинись! Если Бах с Бетховеном, Сократ да Платон, мои представители, то я их продолжение, не песчинка! Вот начитаны, да обучены, да мудры, зло добром толковать, мне до вас не достать, у меня от ваших бород щетина одна, да колючая, раз же слово каждое вам мое поперек! Да не как от мухи газетую, Библией вы меня, во лепешку... «Не позволим руками грязными до Святыни!» Это вот святыня? Вот это нравственность, для обмана переодеваться в козла? Это я минуя тысячелетия столетней истории человечества, этой книгой обученных, или вы? «Все ушли от Бога» кричите, ну да как не уйти, коли ваш-то за человечеством с громом молнией ходит по свету, вечной смертью грозит да народы косит? Это я пытаюсь нравственность отменить или вы давно ее уже толкованьями вашими отменили? Потому что, если у вас в богоизбранных вами сто раз оправданный злодей, так чего ж вы хотите? Ладно, я дурак, не пойму, но вы умные, понимаете, что творите? А я, Аня, вот что скажу насчет всего этого... И дитя неразумное отличит горячее от холодного, злое от доброго; пусть хитер мудрец, столетиями зло за добро выдавать обученный, только правда-то у младенца.

А еще я, Аня, вот что нашел в вашей первой главе, о создании мироздания, а найдя, для себя откровенно, хотел было мучить немножко тебя загадка-

ми, но не буду. Потому что не за что мучить, не за что, милая, никого. А загадка была такова: «Что еще совершал Господь, в дни творения, кроме этого творения самого?» Если хочешь, подумай сперва сама, перечти, обратись к толкователям, время хода писем почтой российской медленно, далеко. Только ты в толкованиях этого не найдешь. Потому что то, что лежит на поверхности, с неба только что падало, то же, что глубоко зарыто, разжевано, перемешено, истолковано, подтолковано, да осело на дно фундаментом... да взошло, мне и имени ему не найти. Никакого открытия, потому что действие это вот, равно столько же раз повторено, что и действие «сотворил».

«Сотворил Дух Божий небо и землю», «свет из тьмы» сотворил, что же далее, помнишь ты?

«...День от ночи, утро от вечера, ночь от дня, твердь земную, и твердь небесную, и сказал: “Да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, света от тьмы”...»

Отделил!

«Блаженны правды жаждущие, ибо насытятся» – вот я верю в это неистово! Может быть, самим отделить от черного белое, предлагает нам Библия, Богом данную волю выбора, между злом с добром – если создан по образу и подобию, значит, справишься, отделишь. Пусть не Бог, не Пророк, а как я таков, полуживотное, дикарь безграмотный, жаждой знания движимый, писал о мире нашем свое полуживотное, признание, представление, откровение, значит, на вторую половину выйдет – Творец! Значит, Бог в ней есть, понимаешь?

Но ты скажешь – слаб в делительной арифметике человек, умножение пакостей проще дается с школьной скамьи, да и что же, мне свое, богоданное, делить с дурачком? Духом слаб! То добром ему видится, где стащил безнаказанно, где попал камень в ближнего, где кирпич упал на прохожего, где уж нам, где уж там... Ну да я скажу тебе где. У черты, отделяющей жизнь земную, от неизвестности, всякий выберет, отделил. Значит, только та черта и страшна человеческой совести, чтоб раскаяться, зло с добром разделить? Значит, только угроза быть пойманным защищает от преступления... Или нет?

Вот, к примеру, спросишь меня, как же в случае разделения «зла-добра» со смертной казнью быть для преступника? А не знаю, понятия не имею, решить не могу. Хотя и сказано «не суди», хотя и сказано – «не убей», да как я вам так?! Ведь же выйдет ближний мерзавец, очевидный подлец, моей справедливости неподсуден?

«Не суди, да не будешь», а я знаю – буду судим, и убить не побрезгают. Знаю их! Я один решусь, дурак, других не пинать, а они меня, молчаливого, неподсудного, до смерти из своей справедливости запинаят! Знаю, знаю я их! По себе я их знаю, по себе их сужу, ну и ладно, пусть по себе, только если, Анюшка, не шутя, я убийцу невинного... я убийцу виновного (вот же путаные какие слова!)... я убийцу виновного, в убийстве невинного, все равно на смерть осужу, до прощения не дорос, не меня спросить надо бы, кто на крест за разбойника восходил.

Может, я на равных встану с убийцей, смертный приговор ему объявив? Смертью казнь для всякого жизнью назначена, то не суд, не кара небесная, а природа, потому что, если б Господь на земле карал да казнил преступников, «промышлял», как в толкованиях ваших писано, был бы Ирод распят, не Христос. А вот этих, этих-то двух можешь, Анюшка, различить? Или если скажут тебе, был и Ирод прав, согласишься? Или ты согласна уже, потому что «промыслом Божиим» называют твои учителя это дикое преступление – «Не погибли младенцы, но великих даров сподобились», «промышлял Господь, чтоб запомнили злого Ирода». Чтоб запомнили – сотни душ невинно «увенчанных», «божьем промыслом», Божиим... так-то! А иначе зла человеку не отличить... И действительно – все никак! Потому что, изуверству страшному Ирода поперек, жертвоприношение сына называем добром, веры подвигом, отречением от себя! А как лучше, милая, ради спасения, ради «божьего промысла шкуры собственной», заколоть, как ягненка, ребенка собственного или тысячи вифлеемских младенчиков истребить? Неужели не видишь – это одно! Или Бог у нас Ирод? Или Бог у нас Зло?!

Говоришь, «Господь всеведущий проверить хотел: если сына готов по Его приказу убить, значит, истинно веруешь»... Что ли, так? Только если «всеведущий» – то и нечего проверять! Если так доверяешь Господу, то и незачем убивать! Почему не приходит в голову, что рука отца, над собственным сыном «верой в спасение» занесенная, была волей Всевышнего в воздухе остановлена из желания убийство предотвратить, прекратить? Прекратить! Может, в этом чуде спасительном, до такой кривизны отвратительной истолкованном, и спускался за нами без всякой Иакова лестницы Тот, кто заповеди писал?

До чего же, Анюшка, все не так у нас... все не так! Верно пел Владимир Семенович. Почему бы

это так, как ты думаешь? А я думаю, если мир на слове стоит и в начале было оно, не «спасайтесь» крикнуть надо было у ковчега в потоп, а «спасайте».

Стали часто ходить комиссии, выясняют, нет ли жалоб, недовольства меж заключенными. Жалобы есть, все хотят свободы и права выбора, права голоса, справедливости, но молчат испуганно, если спросят. Николай Васильевич, только слышит шаги проверяющих, одеялом закроется и храпит. Только Виктор Петрович внес жалобу, что в обед всегда компот дают, и хоть раз бы кисель, но дополнил, что все остальное здесь ему нравится, понимает причины своего задержания, поблагодарил начальство и персонал. Эту жалобу записали, покивали сочувственно, обещая учесть. И действительно, кисель, совершенно как в ресторане, одному ему из всех в обед принесли. Пил как крез, на нас свысока поглядывал, мол, смотрите, что с системой бездушной делает справедливая критика, слово правды. Но когда, его примеру последовав, я решил напомнить Сирафимидовой о своей презумпции невинности, отраженной письменно в 49-й статье конституции, эта дама железная мне ответила, что «такой презумпции в медицинской практике нет». И как говорил, земля ему пухом, память вечная, Андрей Николаевич, «нет невинных между живых, все виновные в жизни». У нее же, злодейки бессмертной, для всякого любви ее возжелавшего, один приговор – «плохие анализы», а они у меня, без специального толкования, не понять... Вот бы что писать разборчивым почерком! Вот бы что человеку по-человечески объяснить! Но они здесь до самого крематория укрывать своим почерком от нас умудряются грядущую смерть.

Вот что тут подумалось вдруг... А доступна ли, в самом деле, сознанию, осознанию моему эта мысль о действительной, беспробудной самоколичности? Чтобы «за границей воображения» – ничего? И ты знаешь – доступна, но только разуму, опыту, а душе моей, духу моему – нет! И не знаю, объяснить пока не могу самому себе этот феномен утешительный... потому что не могу, да и все, не могу... чудодейственно! Удивительно...

Нам, ты знаешь, здесь решетки поставили. Всей палатой день провели в рекреации, пока делали. Но решетки не как на даче с тобой у нас, без декоративного украшения, арматура стационарная, в сечение разве что руку высунуть, прутья толстые, на такие железные зубы нужно разгрызть. Вот чем, Анюшка, отличается дача

наша от здешнего санатория: снаружи ли решетка поставлена или же изнутри... Но сегодня дали всем киселя! Но опять остались среди нас недозволенные. Николай, например, Васильевич отодвинул молча стакан. Я попробовал – отвратительный. Сладкий, приторный, теплый, густой, не кисель, а обойный клей, и безвкусный! От глотка одного вся внутренность склеилась, не вздохнуть. Нужно, думаю, две кастрюли ставить в обед, чтоб в одной компот, а в другой кисель, чтобы выбор был у людей... богоданный.

С тем решаюсь. За деление берусь, и буду делить, сколько результаты скверных анализов позволяют. Потому что, сдается мне, христианское здание, возведенное на фундаменте зла с добром, в один бетон перемешанном, пусть окаменевшее намертво, основанием в землю ушедшее, этажами в небо надстроено, для дальнейшего проживания человечества не годится! Оплошали строители, и не оплошать не могли, потому что сама же ты помнишь, когда мы дачный наш храмик строили, из желания скорейшего построения, на фундаменте сэкономили, на печи, печнике, строителях, утеплителе, газопроводе, электричестве, водопроводе, крыше, подполе, но зато теперь непонятно, что делать вообще, потому что это не храмик, прости, но холмик это какой-то летний вышел у нас, сугроб какой-то зимний, прости, но сама же знаешь, сгнили!.. Сгнили доски первого этажа! Доски же я думаю в нем менять, пол перестилать бесполезно, даже если пустимся в перестил, это нам, боюсь, не поможет, потому что лягут и доски новые по тому... Нет, я помню, что мы это так торопились ради Алешки, чтобы было ему, пока маленький, где каникулы летние провести, но теперь же что ему перестраивать наш блиндаж?! А уборная? Он же даже своих товарищей (может быть, свою девушку!) к нашему холмику стесняется пригласить!

Христианскому же нашему зданию, то бишь строительству светлого будущего, уж две тысячи лет, даже можно и так сказать, что будущее, возведенное на этом фундаменте, уже наступило. Мы не только лицеизреи и очевидцы его, но те, которым в этом здании доживать! Только вот ни жить, ни на лаврах почить в этом здании, Анюшка, невозможно! Ни тепла, ни света нет, ни подачи воды, ни энергии солнечной, потому что окон бойницы в нем занавесками, пелеринками твоими в кружавчиках занавешены, для уюта! Да еще к тому же окна эти безвидные так узки, что весь летний солнечный день в помещении и угла молельного

не осветят! А одни, прости опять, запасы твои в сырой полутьме, эти вот тушенки железные, что как бомбы в летней жаре надуются, и грозят, что взорвутся вот-вот, по одной, или разом... и кончено! И конечно, Аня, эта долгоиграющая лапша, завитончики, макароны! Макароны эти твои бесконечные, потому что не портятся, после нас останутся в вечности, насекомой грызью изъеденная крупа, чтобы в черный день прокормить, в черный день или в праздничный, до которого нам с тобой не дожить, не дожить, потому что не видно в эти окошки нам, что вся жизнь – это Богом дарованный светлый праздник!

...И на небо лифты нейдут, и Иакова лестница в этом здании, что до неба должна бы, в пролетах обрушена и заплевана, и закурена... Эти надписи настенные, эта подлопись... И не чтобы остаться в вечности пишут они, только ради вечность эту обрушить! Аня, что молчишь? Обидел тебя? Аня... Или это не правда? Правда! Да ведь правда тем одним и плоха, что обидна. Если хочешь добра, приври, покриви душой, приукрась... Или вот тебе еще одна правда, милая, не о нашем я домике говорил, я люблю нашу дачку темную, я совсем другое, Анюшка, ЗДАНИЕ не приемлю!

Отйду-ка в сторонку чуть от него, дабы на меня-то не рухнуло это ваше строительство, ведь его, как спичечный городок, только тронь... осмотрюсь и припомню имена «богоизбранных» архитекторов... изуверства, вроде крестовых походов и святой инквизиции, во «священной германии» затопивший землю кровью фашизм, на «святой Руси» православие, в революцию порубившие алтари.

И вот эта, Аня, свершившаяся уже христианства история, дом, который построили, хочешь ты того или нет! Потому что итог не сумма желаний и стремлений к добру человечества, но сумма зла содеянного во имя. Для оценки же качества крепости и возможности проживания в этом здании необходимо очень простое понятие, каждому данное, я о том написал уже! Богом данное представление Васьки Пяткина, Ваньки Дятлова, о зле и добре.

Потому что, Анна, в этой книге, как в всяком зданье фундаментом, то, с чего строительство начинается, а не заповедь из евангелия «не убий». Да не заповедь эта, Анюшка, но прямое противопоставление ей, называется – «богоизбранный человек»! Но не просто так «богоизбранный», а воспитанный на истории богоизбранных, здесь изложенной. Этот самый ваш «богоизбранный»

есть не что иное, как жрец, прикрывший хоругвями жертвенник, что, уже однажды распяв, продолжает! Заставляет поверить таких вот, не желающих думать, как ты, в *христианство убийства!* И ни Англия, и ни Франция, ни Германия, ни Россия никогда христианскими не были... никогда! Потому что христианства понятие несопоставимо с искусством порабощения, несопоставимо с рабской покорностью земной власти.

Вот что я скажу тебе... Да, скажу! Нужно обладать воистину дьявольской подлостью или (если это не подлость) абсолютной бездушностью, быть безбожником, чтобы верить, поверить в то, что Освенцимы человечества, Христа именем, – Христианское Человечество. Что единственным богоданным нам способом просветления является «очищающий огонь всепрощения» несогласного с нашею правдой ближнего. Кто ошибка Создателя, от какой тебе, богоизбранной, так желанно очиститься? Сын Еврей, Белорус, Украинец, Японец, Китаец, Грузин, Армянин, Англичанин, Француз или Русский?! От ненужных, негодных, ишь ты, Господу сыновей! Называть же угодниками божьими тех, кто эти костры две тысячи лет разводил, до сих пор разводит, применяя на практике, позволяет нам сама Библия, от начала назвавшая богоизбранным – зло. Потому что вера в то, что трус, обманщик, злодей, отца предатель, сына убийца может быть богоизбранным и имеет в действиях своих что-то общее со святыми деяньями, божьим хотением и велением, недопустимо! Потому что не «богоизбранный» такой человек, а обыкновенный самый, Анюшка, прости, негодяй. И когда ты молишься на такого «угодника» и «избранника», видя в Библии, читая черным по белому, в ней описанные совершенные им «угодные богу»... не «деяния!» – «злодеяния», то не мумия, не какое-то абстрактное зло, стелет коврики пыльные на доски гнилые нашего холмика, Анюшка, ты сама.

Вот пока писал все это, захотелось на дачу безудержно. Вот что, Аня, я думаю, кое-что на книжке лежит у тебя, кое-что у меня, кое-что в шкатулке на полочке. Вот я выпишусь, поживем с тобой в бытовке пока, потихонечку начнем перестраивать... Как ты думаешь, Аня, а?

От числа воскресенья, 12-й месяц, 11-е число.

Манифест

Люди, вот что. Не бойтесь знания! Больше знаешь – дольше живешь, а не «крепче спишь от незнания», как в пословице вашей писано, потому что

хитрый, умный, вас умнее, ее писал. И не «крепче спишь» просто – спишь, жизнь проспай, а она-то и есть сумма знания, опыт познания, результат ежедневного, поминутного, посекундного выбора, богоданного, но решения неизменного, ибо выбор этот не отменить.

Мы не пишем историю набело, мы не перепиываем и не подтасовываем ее, мы не ищем выгоды, правды ищем! Абсолютно свободно ныне (хотя и во сне моем) прошли наши выборы, земное всеобщее голосование человечества, вот вам результаты его: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗА ДОБРО!

Даже что бы оно ни делало, даже что бы ни натворило, за минувшие тысячелетия – ВСЕ РАВНО! Пусть добром ему кажется злодеянье себе на выгоду – ВСЕ РАВНО!

И кого бы ни распинало безудержно, в правду веруя, и кого бы правдой ни погубило оно, и кого бы ни предало, кого бы в поиске верного выбора ни покинуло, даже если взорвет-таки планету эту прекрасную, ВСЕ РАВНО...

И. А. Дятлов

